

Глава 20 Спесь коварного фаворита

Хань Миню, разумеется, вовсе не улыбалась участь «коварного фаворита».

Придав лицу самое серьезное выражение, он посмотрел на Фу Сюня: — Дела государственного траура первостепенны. Разве Вашему Величеству не пора идти?

— Знаю. Схожу, проверю, как всё продвигается, а ты отдыхай.

— Доброго пути, Ваше Величество.

Фу Сюнь поднялся и покинул покои.

Вэнь Янь, человек прямолинейный и суровый, всё это время дожидался снаружи, пока император не вышел к нему.

Должно быть, Фу Сюнь отдал какие-то распоряжения, потому что вскоре в зал вошел евнух Ян в сопровождении слуг.

— Братец Минь, я велел подогреть кашу. Съешь еще пару ложек, а как немного придешь в себя — выпьешь лекарство.

— Хорошо.

Хань Минь принялся неспешно есть, попутно спросив: — А где старый императорский лекарь Лян?

Евнух Ян присел на скамеечку перед кушеткой: — Следит за твоим отваром.

Юноша немного помолчал, обдумывая свои мысли, а затем снова заговорил: — Не пора ли мне перебраться в другое место? Пробыть здесь пару дней — это одно, но оставаться и дальше... Как-то это неправильно. Это не только доставляет неудобства государю, но и сейчас, в период глубокого траура, выглядит совсем уж неуместно.

— Тебя Ваше Величество самолично внес в покои на руках, — отозвался евнух Ян. — Я не смею без его дозволения менять тебе «гнездышко». Вот когда государь вернется, у него и спросишь.

— Что ж, пусть так... Но что значит «самолично внес на руках»?

— Что сказано, то и значит.

Хань Минь поперхнулся кашей и, отвернувшись, зашелся в кашле. Евнух Ян поспешно забрал у него миску и принялся похлопывать юношу по спине.

Когда приступ утих, Минь потер грудь, тяжело вздыхая: — Неудивительно, что Вэнь Янь на дух меня не переносит.

Неужели он и сегодня успел досадить цензору? О да, несомненно.

Евнух Ян лишь усмехнулся: — Это была всего лишь шутка, чего ты так разволновался? И к чему тебе так бояться Вэнь Бяньчжана?

— Он человек прямой и неподкупный. Уверен, государь со временем назначит его на высокую должность в Палате цензоров. И если такой цензор подаст на меня жалобу... — Хань Минь в отчаянии хлопнул ладонью по ложу. — Если об этом узнает бабушка, мне впору будет живьем в землю закопаться.

Пока они беседовали, в покои вошел лекарь Лян, сопровождаемый юным учеником. Мальчик нес деревянный поднос, на котором стояла белая фарфоровая чаша с дымящимся зельем и блюдец с засахаренными фруктами.

Старый лекарь протянул лекарство юноше: — Я добавил несколько трав для успокоения духа. Подожди, пока немного остынет, и пей. После нужно будет поспать и хорошенько пропотеть.

Хань Минь послушно принял чашу и принялся задумчиво помешивать отвар ложкой.

Спустя минуту молчания лекарь Лян спросил: — Мы не виделись два года. Как поживает твой дедушка?

В былые времена эти старики были добрыми друзьями. Но после того как император Дэцзун ушел из жизни, дедушка Хань вернулся в родные края, и их пути разошлись.

— С бабушкой всё хорошо, — ответил Минь. — Разве что зимой он сильно мерзнет, поэтому я каждый день слежу, чтобы он пил отвар из женьшеня. Вернее, это и отваром-то не назовешь — так, пара тонких корешков.

Он показал кончиками пальцев, насколько малы были эти корешки.

Евнух Ян махнул рукой: — Эх, он всегда был таким. Еще в расцвете сил вечно зяб, за столько-то лет пора бы и привыкнуть. Что в этом такого?

Лекарь Лян снова подал голос: — А что твой старший брат? Когда вы уезжали, его ноги...

— Сейчас он в инвалидном кресле. Чувствительность сохранилась, но силы в них нет. Опираясь на костыли, он может сделать шаг-другой. Я выучился у лекарей в Тунчжоу приемам массажа и каждый день растираю ему ноги, но не знаю, будет ли от этого толк.

Лекарь Лян тяжело вздохнул: — Как только представится возможность, привози его сюда. Я сам его осмотрю.

Хань Минь, казалось, немного замялся, но всё же согласно кивнул: — Хорошо.

— Я говорю серьезно, — лицо лекаря стало строгим. — Нынешний государь нравом пошел в деда, в императора Дэцзуна. Он не чета своему отцу и не склонен к мелочной мстительности. Даже если вашу семью не оправдают в одночасье, надзора за вами не будет. Тунчжоу — места глухие и суровые. Твой дедушка стар, ноги братца Ши нужно лечить, а маленькому Пэю скоро пора будет браться за учебу. Послушай старика: забирай родных и возвращайся.

— Я понимаю. Но тело покойного императора еще не предано земле, а принц Гун всё еще имеет вес при дворе. У меня с ним старые счеты, так что лучше подождать, пока государь не разберется с принцем Гуном окончательно.

Хань Минь замялся, чувствуя неловкость: — К тому же, мы с государем в прошлом не были так уж близки. В детстве мы только и делали, что дрались. И даже если я получу ученую степень, по правилам мне не положено оставаться на службе в столице.

Евнух Ян и лекарь Лян обменялись красноречивыми взглядами.

— С чего ты это взял?

— Разве это не так?

Ян шутливо щелкнул его по лбу: — Любому здравомыслящему человеку ясно: государь дорожит твоим талантом.

— Чушь какая... — Хань Минь, вовремя спохватившись, что ляпнул лишнего, поспешно уткнулся в чашу с лекарством.

Старики снова переглянулись. Ян пододвинул к юноше блюдце со сладостями.

— Успокойся и не бери в голову. Раз уж ты вернулся, Его Величество ни за что не отпустит тебя обратно в захолустье.

Хань Минь отправил в рот засахаренный фрукт: — Твоими бы молитвами, амиабха.

Лекарь Лян поднялся: — Спи. Не будем больше шуметь. Проверим, как подействует отвар, а если не поможет — подберем другой состав.

— Благодарю вас, почтенный лекарь.

Когда они ушли, в зале стало совсем тихо. Хань Минь, устроившись на подушках, некоторое время рассеянно смотрел в потолок. Ему почудилось, будто вышитые на пологие драконы ныряют в облака, и вскоре сон сморил его.

Болезнь еще не отступила до конца, да и привычка вечно быть в делах сказывалась: внезапно свалившийся на плечи досуг заставлял Миня чувствовать себя потерянным. Он спал и никак не мог выспаться.

Проснувшись после очередного короткого сна, юноша потянулся, не желая покидать теплой постели.

[Полагаю, если ты и дальше будешь так лениться, император рано или поздно выставит тебя за ворота.]

Хань Минь сел на постели, потирая заспанные глаза.

«В любом случае, я уже успел поспать на императорском ложе, так что внакладе не останусь»

Система, казалось, была крайне разочарована отсутствием у него амбиций.

[Хоть бы каплю достоинства проявил.]

«Оно у меня есть. Вот прямо сейчас появилось»

Он спустил ноги на пол, накинул халат и принялся затягивать пояс.

[И куда ты собрался?]

«Вчера я съел сладости Вэнь Яня, нужно пойти и поблагодарить его. К тому же вчера Фу Сюнь обмолвился, что к следующему месяцу покончит с принцем Гуном. Однако тот правил делами долгие годы, и большинство чиновников при дворе — его люди. Если государь хочет лишить его власти, ему сейчас как никогда нужны верные ученые мужи»

Хань Минь взял со стола ленту и, глядя в зеркало, принялся собирать волосы.

«Вэнь Бяньчжан пришел к нему, скорее всего, именно по этому вопросу. Фу Сюнь и так ради меня пошел на многие хлопоты, так что я должен пойти и посмотреть, не могу ли я чем-нибудь помочь»

[Надо же, у тебя всё-таки есть голова на плечах. А я уж думала...]

В этот момент в окно постучали. Хань Минь удивленно замер, прислушиваясь. Стук повторился.

Он подошел к окну и распахнул створки. На подоконнике сидел сокол. Птица была вся в крови, белое пятнышко на её голове пропиталось багровым, и перья слиплись в некрасивые пряди.

Это был тот самый почтовый сокол. Фу Сюнь звал его Яньчжи, но Хань Минь прозвал его Редискоголовым.

Вскрикнув от испуга, юноша осторожно взял раненую птицу в руки и поспешил вон из зала. Снаружи он столкнулся с евнухом Яном.

— Что случилось?

Минь протянул ему едва живую птицу: — Вот.

Евнух Ян развел руками: — Тут я не помощник. Иди к государю, он в этом толк знает, сам их растил. В кабинете как раз подали обед, значит, дела скоро закончат.

Хань Минь кивнул и поспешил к кабинету.

Фу Сюнь и Вэнь Янь сидели друг напротив друга, двери были распахнуты. Внутри находились лишь стражник Вэй Хуань да молодой евнух.

Не желая мешать беседе, Хань Минь замер у подножия каменных ступеней. Он уже собирался уйти, но Фу Сюнь заметил его и поманил рукой: — Подойди.

Хань Минь быстро поднялся по ступеням: — Прошу прощения, что прерываю, но это маленькое существо... — Он коротко кивнул цензору: — Прошу простить за беспокойство.

Уголки губ Вэнь Яня недовольно опустились, и он отвернулся с крайне хмурым видом.

Минь подошел ближе. С крыльев сокола всё еще капала кровь, и юноша замер в нерешительности, боясь запачкать императорский стол.

Фу Сюнь отодвинул в сторону свитки: — Клади здесь.

— Хорошо.

Фу Сюнь коснулся шеи птицы — она была еще теплой.

— Вэй Хуань!

Стражник быстро вошел во внутренние покои и вынес небольшой деревянный ларец. Внутри ровными рядами лежали серебряные скальпели разных размеров и склянки с целебными мазями — всё для лечения охотничьих птиц.

Хань Минь присел у края стола. Сокол смотрел прямо на него замутненным взглядом. Юноше показалось, что птица ведет себя странно.

Фу Сюнь осмотрел Редискоголового и, осторожно разжав его клюв, достал крошечный бамбуковый футляр. Внутри оказалась записка. Она была в полной сохранности.

Всего два слова: «Всё в порядке».

Это был ответ Фу Сюня, отправленный несколько дней назад. Хань Минь сорвался в Юнъань именно потому, что так и не получил этой весточки.

Раненый сокол метался между Тунчжоу и столицей. Не найдя адресата в Тунчжоу, он вернулся к хозяину и опустился на подоконник опочивальни.

Где и встретил Хань Миня.

Раскрывая пакетик с лекарственным порошком, государь негромко подбодрил юношу: — Мы его выходим.

Голос Хань Миня слегка дрогнул: — Да.

Заметив, что у сокола обрезаны когти, он спросил: — Они отрастут?

Фу Сюнь кивнул: — Отрастут. Птицы часто ломают их на охоте.

Хань Минь замороженно наблюдал за тем, как император обрабатывает раны. Закончив с перевязкой, Фу Сюнь хотел было погладить юношу по голове, но, заметив на пальцах кровь, лишь слегка коснулся его щеки тыльной стороной ладони.

Минь бережно прижал Редискоголового к себе, поглаживая его крылья.

— Больше я не заставлю тебя носить письма.

— Скоро в этом не будет нужды, — обронил Фу Сюнь.

Юноша, впрочем, был слишком занят птицей, чтобы вникать в подтекст. Император, подперев голову рукой, молча наблюдал за ними — скорее всего, именно за соколом.

Спустя некоторое время Вэнь Янь, потеряв терпение, произнес: — Ваше Величество, господин Хань, уже полдень. Думаю, и птице, и нам пора подкрепиться.

Обед они провели втроем: Фу Сюнь, Хань Минь и Вэнь Янь.

Обстановка была более чем странной. Государь то и дело подкладывал в тарелку Миня лучшие куски. Цензор же, как и подобало отпрыску благородного рода, ел молча и чинно, не проронив ни слова.

Хань Минь чувствовал себя крайне неловко. Ему хотелось попросить Его Величество проявить хоть каплю внимания и к гостю, но слова застревали в горле. Поблагодарив за заботу, он лишь пододвинул поближе к Редискоголовому блюдец с мелко нарубленным мясом.

Сокол был всё еще слаб и вял. Хань Минь, глядя на него, тоже приуныл.

Закончив трапезу, Вэнь Янь отложил палочки и, приняв из рук слуги платок, коснулся губ.

— Господин Хань, ваш литературный талант поистине блестящ, — произнес он мягким голосом. — Тот доклад, что вы составили в Лючжоу, заставил принца Гуна трижды измениться в лице. Выходя из золотого зала, он даже споткнулся на ступенях. Признаю, мне до вас далеко.

Фу Сюнь недовольно оборвал его: — Вэнь Бяньчжан!

Бяньчжан было его вторым именем. «Вэнь Янь — муж достойный, способный судить о слоге и делах».

Тот невозмутимо продолжил: — Ваше Величество еще не показывал господину Ханю новый доклад против принца Гуна? Было бы славно, если бы господин Хань взглянул на него и внес свои правки.

Лицо Фу Сюня потемнело. Он с силой опустил нефритовые палочки на стол, но не успел вымолвить и слова, как Хань Минь отозвался: — С радостью.

Цензор едва заметно улыбнулся.

В голове его зрел четкий план. Во-первых, приструнить этого «коварного фаворита», сбив с него спесь и найдя ему настоящее дело. А во-вторых... он не мог не признать, что талант Хань Миня был велик.

В прошлый раз в Лючжоу им работалось на удивление слаженно.

Фу Сюнь, впрочем, крутил в руках палочки с крайне мрачным видом. Должно быть, его аура стала слишком тяжелой, потому что Минь почувствовал неладное и обернулся: — М-м?

Государь мгновенно сменил гнев на милость и мягко улыбнулся: — Если тебе того хочется — дерзай.

Затем он перевел ледяной взгляд на собеседника: — А ты не пытайся перекладывать свои прямые обязанности на чужие плечи.

Вэнь Янь ничуть не смутился: — Тот, кто заставил принца Гуна растянуться на ступенях, обладает поистине великим даром. Мне за вами не угнаться. Я столь высоко ценю талант господина Ханя, что решился на эту хитрость лишь ради того, чтобы провести с ним время наедине.

Фу Сюнь нахмурился.

«Повтори-ка, что ты там задумал? — пронеслось в его голове. — Многого захотел!»

<http://bllate.org/book/15310/1357997>